Стучась в одни и те же двери...

СЛОВО О ПОЭТЕ

Владимир Сахаров. Это имя мало что говорит любителям поэзии, хотя при жизни у него вышли три книжки стихотворений. Иногда такое случается с талантливыми людьми (а может, и часто – достаточно вспомнить Марину Цветаеву): он рвался в все двери – его выгоняли отовсюду, он обращался кому только мог – его супор не видели.

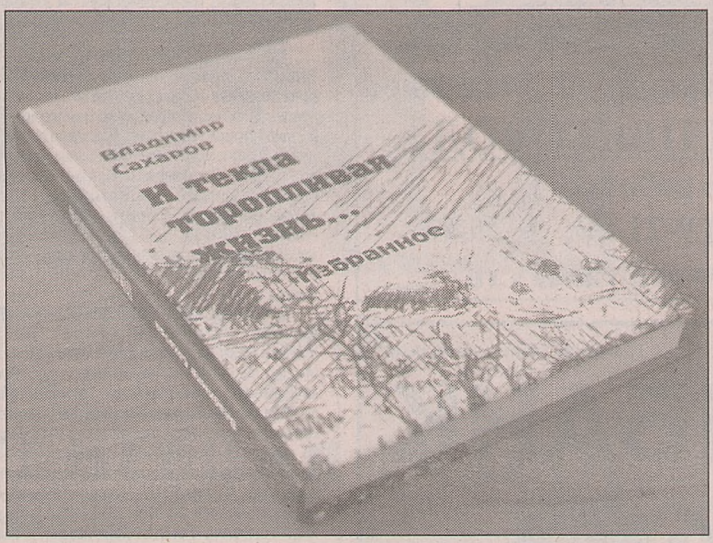

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

Людей, которые его поддерживали, можно пересчитать по пальцам, – они все стали авторами воспоминаний о Владимире Сахарове, которые включены в посмертную книгу «И текла торопливая жизнь...» Прежде всего я бы выделила троих из них: ангела-хранителя Володи, его жену Галю; старшего научного сотрудника Пушкинского Дома из Петербурга Бориса Мельгунова и издателя всех книг В. Сахарова Михаила Китайнера. К сожалению, двое первых тоже не дождались выхода этой книги – безвременно ушли из жизни.

Борис Мельгунов в своей вступительной статье «Запоздалое слово о поэте» пишет: «Эта книга не для лёгкого чтения. Поэт, рождённый для тихого любовного созерцания, «для звуков сладких и молитв», Владимир Сахаров жизнью своей совпал с жестокой и циничной «переходной эпохой», которая до срока свела его в могилу».

Владимир Сахаров написал однажды: «Меня с людьми пусть Бог рассудит, /Судьба не балует... Поверьте. /Те, что сейчас меня не любят,/ Полюбят после... после смерти». Дай бог, чтобы это пророчество сбылось.

А при жизни...

Когда я сообщила тому же Борису Мельгунову о смерти Володи, он прислал письмо, которое целиком было посвящено Войному. Одна фраза меня особенно поразила и заставила крепко призадуматься: «Он был талантливым изгоем и сделал с своей профессией». Да, всеми отвергаемый, он стал желчным, иногда невыносимым, я сама не один раз пыталась прекратить с ним всякие отношения. Умирая, он просил у меня прощения. Всё, что я сейчас пытаюсь для него сделать, – запоздалая попытка исправить то непонимание масштабов его личности, которое было при жизни.

А жизнь его была зигзагообразной: начинал он как талантливейший музыкант, пианист с абсолютным слухом; потом вдруг ушёл работать в уголовный розыск; выйдя на пенсию, занялся всерьёз поэзией.

Когда я увидела в книге фотографию Володи за роялем, а под ней подпись: «Выступление на первом джазовом фестивале «Джаз над Волгой» в составе биг-бенда Вячеслава Тихонова», я позвонила Вячеславу Николаевичу и спросила, каким был Володя музыкантом. Тихонов ответил: «Необыкновенно талантливым и работоспособным. Он всё старался довести до совершенства».

А что заставило его уйти в уголовный розыск? Не знаю. Я это расцениваю как очередной «бзик» талантливого человека.

Однако ответ на этот вопрос я нашла в автобиографическом рассказе Володи «Царский род», который также опубликован в посмертной книге. Он ушёл в уголовный розыск (кстати, как говорила его жена Галя, и сыщиком он был талантливым – талантливый человек талантлив во всём), чтобы пораньше выйти на пенсию и уже целиком посвятить себя поэзии – вот в чём он чувствовал своё истинное призвание. Между прочим, и в поэзии, как и в музыке, он всё старался довести до совершенства – об этом свидетельствуют черновики, опубликованные в этой же книге. Его упорная работа над словом поистине была титанической.

Я бы ещё многое могла сказать о Владимире Сахарове, хотя мы и были знакомы лишь его последние 2-3 года. Но лучше в заключение я приведу одно из последних, предсмертных его стихотворений, которое и названо символически – «Прощальное»:

Так удивительно похожи:
И ты поэт, и я поэт.
Живя как будто бы без кожи,
Мы любим мир, а он нас – нет.
Всё ловим глупую удачу,
Всегда с протянутой рукой.
То плачешь ты, то я заплачу,
Он только снится нам – покой.
Стучась в одни и те же двери,
Среди и тьмы, и кутерьмы,
Где каждый –
Моцарт и Сальери,
Дошли до ненависти мы.
Сбивает с ног судьба,
как вьюга,
Шагни за эту круговерть!
Давай, простим теперь
друг друга,
И нас навек помирит смерть.

Я не знаю, к кому непосредственно обращается Володя в этом стихотворении, запросто могу отнести это и к себе – смерть нас примирила.

Ирина БАРИНОВА.

P.S. Остаётся добавить, что при оформлении прекрасно изданной книги «И текла торопливая жизнь...» использованы рисунки Владимира Сибрина. К несчастью, этот самобытный художник ушёл из жизни раньше самого Владимира Сахарова.